

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ
МЕЛОДРАМЫ

Читайте романы
Аллы Полянской
в серии «Опасные страсти»:

Одна минута и вся жизнь
Слишком чужая, слишком своя
Прогулки по чужим ночам
Моя незнакомая жизнь
Женщина с глазами кошки
Найти свой остров
Право безумной ночи
Невидимые тени
Часовой механизм любви
Невозможность страсти
Встреча от лукавого
Вдвоем против целого мира
Тайны виртуальной жизни
Вирус лжи
Если желания не сбудутся
Фарфоровая жизнь
Против ветра, мимо облаков
Кто на свете всех темнее
Ничего не возьму с собой
Когда ад замерзнет

АЛЛА
ПОЛДНСКАЯ

НЕВИДИМЫЕ
ТЕНИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Полянская, Алла.
П54 Невидимые тени : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы).

ISBN 978-5-04-103819-9

Никто не должен знать ее настоящее имя. Все считают ее дворничихой Майей Скобликовой, и это ее вполне устраивает — разве на дворников обращают внимание? У нее был реальный шанс скрыться от тех, кто преследовал ее и хотел убить только потому, что она встала на их пути к большим деньгам... Однажды утром, идя на работу, она обнаружила в песочнице нарядную фарфоровую куклу в смешной соломенной шляпке и прихватила ее с собой — чего только люди не выбрасывают! Сегодня вообще был необычный день — вскоре она нашла под детской горкой дорогую куртку, а возле скамейки — добротный бумажник. Но главная «находка» ждала ее в мусорном баке: тело мужчины в светлой рубашке, покрытой пятнами крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103819-9
Copyright © PR-Prime Company, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Кукла лежит в песочнице. В картонной коробке с пластиковым прозрачным оконцем — фарфоровая кукла в смешной соломенной шляпке и клетчатом платье. Песочница почти пуста, даже коты не находят ее интересной, бортики проржавели и кое-где прогнили насквозь — коробка лежит в углу, и сквозь прозрачный пластик доверчиво распахнутыми глазами из нее смотрит кукла. Майя оглянулась — четыре часа утра, еще довольно темно, она всегда в это время приходит на свой участок, потому что никого нет, и весь участок принадлежит ей. Подняла коробку, отряхнула от налипшего влажноватого песка и спрятала в тележку — аккуратно под вениками, метлой и лопатой поставлен небольшой ящик — для находок. Откуда взялась эта кукла, Майя даже представить не может, но ей это и неинтересно. Выбросил кто-то, люди чего только не выбрасывают!

Она толкнула тележку, осторожно пробираясь между скамейками в соседний двор. Зябкое сентябрьское утро холодит нос и щеки, пальцам тоже холодно на металлической ручке облезлой тележки, зато колеса не громышат, Петрович сменил старые на тихоходные, хорошо смазал их, и ее тележка идет практически бесшумно, особенно по голой земле. Майя достает перчатки — работать без них она не может.

Что-то темнеет под детской горкой — Майя оставляет тележку и идет в сторону лежащего предмета. Это куртка-ветровка — добротная, явно дорогая. Майя поднимает ее, осматривает — карманы пусты, ни бумажника, ни ключей, ни привычного мусора в виде фантиков, визиток и прочего. Еще раз оглянувшись, Майя кладет куртку на землю — вряд ли ее выбросили, может, вернуться. Протащив тележку мимо двух скамеек, она наступает на что-то. Наклонившись, поднимает бумажник — из хорошей кожи, увесистый. Хмыкнув, она прячет его за пояс джинсов и снова берется за ручку тележки — участок не ее, сегодня она случайно пошла этим маршрутом, ей захотелось отломить черенок красной герани, выставленной на лоджии первого этажа в соседнем доме. Черенок благополучно устроился в банке с водой в ящике.

Майя быстро уходит со двора, тащит тележку мимо гаражей, тесно прижавшихся друг к другу. Около мусорного бака она остановилась: из ближайшего супермаркета сюда часто выбрасывают просроченные продукты — это дешевле, чем их утилизировать. Майя знает, что немного просроченный йогурт, если его сразу подогреть, на вкус точно такой же, как и нормальный, а подгнившие бананы вполне съедобны.

Но сегодня здесь ничего нет. Майя подбирает пивную бутылку и кладет ее в тележку — тару можно сдать или обменять у бомжей на что-нибудь интересное: статуэтки, кукол, старые альбомы. Люди выбрасывают много чего, что вполне пригодится ей самой, а с местными бомжами у Майи договор — они приносят ей свои находки, а она платит за них либо бутылками, либо мелочовкой.

Из-под бака вытекла какая-то темная жидкость. Майя переступила через ручеек, брезгливо морщась. Что можно было выбросить, чтобы так текло? Ну, народ...

Тележка гроыхнула, ударившись о бордюр. Майя чертыхнулась и, чтобы выровнять тележку, застрявшую колесом между двумя плитками, нагнулась, задев плечом бак, — рукав скользнул по чему-то мокрому и липкому.

— Вот, блин...

В серых сумерках она увидела, что рукав оранжевой вчера выстиранной куртки измазан чем-то темным. Вздохнув, Майя заглянула в бак.

Сначала она даже не поняла, что там — бесформенная куча чего-то светлого в каких-то пятнах, а потом просто не поверила своим глазам. На дне лежало тело человека, мужчины в светлой рубашке, темных брюках и кроссовках. Рубашка в темных пятнах — Майя поняла, что это кровь. И лужа под баком — тоже кровь, а бортик контейнера, видимо, измазали, когда тело сюда сбрасывали. Майя рывком выдернула колесо тележки из щели в бордюре и поспешила в сторону своего участка. Она понимает, что рукав куртки, измазанный кровью, выдаст ее, а потому снимает ее, отстегивает рукава и прячет их в ящик для находок. Утренний холод сейчас очень кстати — нужно успокоиться. Майя делает несколько глубоких вдохов и ныряет в подворотню — все, она на своей территории и не опоздала совсем.

Ее участок — большой двор с клумбой и детской площадкой, по бокам которого стоят две пятиэтажки. В этих домах просторные светлые квартиры, и люди живут вполне состоятельные и благополучные. Они озаботились и соорудили забор, отделяющий их двор от остальных, вымостили плиткой дорожки и высадили цветы. Майе нравится ее участок — здесь не бывает блевотины и прочих биологических отходов — ворота в заборе на ночь закрываются на ключ, чтобы жильцы могли спокойно спать, не опасаясь за свои автомобили и целостность новеньких качелей и цветов.

Майя ставит тележку на детской площадке и при-

нимается за дело. Прежде чем выйдут жильцы, ей нужно открыть ворота, чтобы машины могли выезжать и въезжать целый день, привести в порядок территорию, полить и прополоть клумбы, вымыть дорожки. Таков уговор — не путаться под ногами у спешащих на работу людей. Майя сноровисто метет двор, специальной шпаккой собирает мусор, ссыпает его в совок и несет к мусорным бакам. Мусор с сухим шелестом сыплется на дно. Майя по привычке заглядывает в бак — на дне, присыпанная мусором, лежит голова фарфоровой куклы. Майя наклоняется и достает ее. Из-под мусора видно разорванное тельце, словно злой великан решил позабавиться. Кукла точно такая же, как та, что попалась Майе в соседнем дворе, даже платье на ней такое точно. Вздохнув, Майя бросает голову обратно в контейнер — она разбита.

Размотав шланг и включив воду, Майя моет дорожки. Осталась самая малость — детская площадка. Майя берет веник и совок — здесь работы немного: почистить урны и подобрать бумажки, да игрушку, если кто забыл, положить на столик посреди площадки, чтоб на виду была — выйдет утром малыш во двор погулять, а машинка его или зайчик — тут, в целости.

Майя достает из тележки маленькие грабельки и чистит песочницу. Листики, мелкие веточки, кошачьи экскременты — все это лишнее в песке, которым играют дети. Под скамейкой лежит яркая шапочка — Майя поднимает ее и кладет на столик. Туда же отправляется связка чьих-то ключей, которая обнаружилась под скамейкой у одного из подъездов, и серебряная зажигалка. Жильцы знают, что Майя никогда не присвоит ничего из найденного — когда-то, еще в самом начале своей работы, она нашла в песочнице маленькую золотую сережку, и та была в тот же день возвращена хозяйке. Майя тогда просто написала объявление и повесила его

на столбике качелей. Молодая женщина, пришедшая за сережкой, долго благодарила ее, хотя, если судить по ее виду, могла бы купить таких сережек хоть ведро.

Они разговорились, и женщина, назвавшаяся Милой, предложила Майе работу. Два раза в неделю она моет подъезды этих домов по очереди — конечно, неофициально. Жильцы хорошо знают ее и, случается, угощают всякими вкусностями. А бывает, что отдают совсем новые вещи.

— Здравствуйте, Майя.

Это Николай Николаевич, жилец из третьего подъезда того дома, что слева от калитки. Он всегда очень рано встает, и они видятся каждый день, а потому здороваются и, бывает, разговаривают. Николай Николаевич иногда угощает Майю всякими вкусными вещами, в последнее время это случается чаще. И он всегда очень пристально смотрит, но Майя знает: он не злой, этот пожилой подтянутый человек с седыми, короткостриженными волосами и внимательными карими глазами. Но все равно рядом с ним ей отчего-то тревожно, и она незаметным движением опускает челку на глаза.

— Доброе утро, Николай Николаевич.

— Мы с вами — ранние пташки. — Он щелкнул кнопкой на брелоке сигнализации, его блестящая большая машина бодро пискнула. — Кстати, вот — угощайтесь.

Он достает из багажника пакет и протягивает Майе. Внутри большая коробка конфет, упаковка печенья и пачка сока. Бросив шланг в клумбу, Майя снимает перчатку и берет пакет.

— Спасибо, Николай Николаевич. Балуете вы меня в последнее время.

— Девочки любят сладкое — у меня три дочери, уж я-то знаю. — Он добродушно смеется. — Вот и вас побалую, почему нет?

— Так то дочери...

— Ну и что. Вы же тоже чья-то дочь.

— Ну, разве что чья-то. Николай Николаевич, я там связку ключей нашла, не ваши ли?

— Где? — Он подходит к столику. — Не мои, но я знаю, чьи. Видите брелок с логотипом? Это Вострецовых, Денис Альбертович работает на фирме, которая выпустила эти брелоки в целях рекламы. Для клиентов — из какого-то сплава, а для сотрудников компании — серебряные. Вот сосед выйдет — отдайте ему. А зажигалка женская, кто-то из дам обронил.

— Все-то вы знаете, Николай Николаевич!

— Я старый уже, многое замечаю. Привык так жить, всегда пригодится — уметь замечать детали. Я вот о чем хотел у вас спросить, Майя. Только не обижайтесь.

— Конечно, Николай Николаевич.

— Вам тридцать лет, да?

— Тридцать два... почти тридцать три.

— А какое у вас образование?

Майя вздыхает. Ей совсем не хочется расспросов.

— Школа только. Потом в ПТУ училась на повара.

— И по специальности не работаете?

— Так не берут нигде в нормальных местах. Даже в заводской столовке только судомойкой берут, а я посуду мыть не хочу, и на завод не хочу, там только комнату в общежитии дают, да еще просить надо невесть как, и денег — копейки, а здесь сразу дали квартиру, хоть и маленькую, но свою. И заработать можно больше, если не воруешь и стараешься.

— Вы скоро три года у нас работаете, я все смотрю и думаю — вы можете и должны добиться большего. Откуда вы приехали?

— Так сразу и не скажешь. Отовсюду... Мы, детдомовские, кочуем туда, где дают жилье и заработок. Я сюда случайно попала — моя подруга по интернату, с которой мы вместе кочевали, три года назад умерла от рака.

А буквально за полгода до ее смерти объявилась Танина тетка, нашла ее через запрос по Интернату — это Татьяна Васильевна. Танин телефон ей дала наша бывшая воспитательница, мы с ней связь держали — она была как родная. Ну вот — тетка искала Танюшку, а когда нашла, та уже болела сильно, приехать сюда не могла. Но они созванивались, общались... А потом Танюшка умерла, и я позвонила Татьяне Васильевне, что, дескать, умерла племянница ее. А она мне и говорит: приезжай сюда, не обижу и помогу, чем смогу. Я и приехала.

— Где умерла ваша подруга?

— В Суходольске, это городок такой, недалеко от Торинска, где интернат наш был.

— Далеко заехали!

— Мы там выросли, а в Суходольске последние два года жили, Танюшка тогда уже сильно болела, я одна работала в столовке кирпичного завода. А потом... Мне ведь идти некуда было — Раиса Павловна, воспитательница наша, тоже умерла — старенькая была уже. Родни у меня никакой, а как Танюшки не стало, так и вовсе... Вот и приехала сюда, а Татьяна Васильевна, спасибо ей, слово сдержала — устроила работать, квартиру мне выделили — да не ведомственную, в которой живешь, пока здесь работаешь, а потом как знаешь. Жилплощадь выделили из городского фонда помощи бездомным — уж не знаю, как она это пробила, — я бы еще поняла, если б для Танюшки, она-то хоть родня, а я никто, а вот поди ж ты, такие люди душевные бывают. Ну, и я теперь здесь. Выучилась на маникюршу, скоро закончу курсы парикмахеров, а потом уж...

— Татьяна Васильевна — это главбух наш, в ЖЭКе?

— Да. А вы с ней знакомы?

— Конечно. Я в этом доме живу тридцать лет. Конечно, я знаком с Татьяной Васильевной. И мужа ее хорошо знаю, работали когда-то вместе. Ладно, я подумаю, что

можно сделать. Кушай конфетки, девочка, что-то ты похудела в последнее время.

Николай Николаевич пошел к своей машине, а Майя снова взяла в руки шланг — вода серебристо блестит на утреннем солнце, лепестки цветов колышутся под падающими холодными каплями. Майя знает, что поливать много не надо, уже не жарко, земля за сутки так сильно, как летом, не сохнет.

Николай Николаевич открывает дверцу машины, а из соседнего двора слышится душераздирающий визг на высокой обморочной ноте. Майя снова кладет на бордюр шланг и смотрит на Николая Николаевича. Он закрывает дверцу и спрашивает у нее:

— Это что такое?

— Не знаю, Николай Николаевич. Там Светка работает, голос вроде бы ее...

Визг переходит в крик:

— Помогите!!!!

Майя, чертыхнувшись, закрывает воду и бежит в соседний двор. Она понимает, что, если не сделает этого, будет выглядеть подозрительно, хотя ей совершенно не хочется снова увидеть то, что едва разглядела в утренних сумерках.

Светка, грузная грязноватая тетка лет сорока пяти, орет самозабвенно, не останавливаясь, обхватив голову руками, глаза вытаращены, а рот, в котором не хватает большей части зубов, широко открыт.

— Чего орешь, дура? Детей перепугаешь, спят же!

Майя толкает Светку между лопаток и сильно дергает за руку.

— Там!..

Майя отлично знала, что — там. Она направилась к баку, но Николай Николаевич опередил ее.

— Стойте, Майя. Не надо вам на это смотреть. Идите, работайте.

— А...

— Просто послушайте меня, девочка. Идите, работайте. Не надо вам этого видеть, и замешанной в это быть не советую.

— Как скажете, Николай Николаевич.

Майя уходит, в душе радуясь, что ей не пришлось при свете солнца видеть труп в баке. Нырнув в калитку, она прикрывает ее за собой, словно проводя границу между тем, что происходит там, и своим покоем, и снова включает воду — нужно успеть помыть скамейки, потому что в девять ей надо бежать на другую работу.

— Доброе утро, Майя.

Это Элеонора Петровна, элегантная, очень красивая женщина из первого парадного. Она ездит на синей «Мазде», у нее всегда красивые туфли и блестящие украшения.

— Доброе утро, Элеонора Петровна.

— Там кто-то кричал, или мне послышалось?

— Нет, не послышалось. Это Светка, дворник с соседнего участка, что-то нашла в баке, но Николай Николаевич велел мне не глядеть и отправил обратно. Так что я не знаю, что там такое. А Светка орала, бестолочь, как резаная... всех перепугала небось. Дети спят, опять же...

— Николай Николаевич велел не смотреть? — Элеонора Петровна нахмурилась. — Понятно. Майя, будьте добры, отнесите в бак пакет с мусором, мне просто некогда.

Пакет стоит у заднего колеса «Мазды», Майя поднимает его и несет к бакам. Элеонора Петровна несколько раз отдавала ей совершенно новые, с бирками, вещи — хорошие, дорогие, но по какой-то причине забракованные ее дочерью.

— Элеонора Петровна, я на детской площадке зажигалку нашла...

— Серебряную с гравировкой?

— Да.

— Ну, слава богу, а я думала, что вчера в ресторане на столике ее оставила. Майя, вам просто цены нет. Конечно, в «Вилла Олива» никто бы не присвоил, но ехать туда... Где же она?

Майя метнулась к столику за зажигалкой — рада-радешенька, что нашла хозяйку потерянной вещи. У Элеоноры Петровны слишком чистые туфли, чтобы ей идти к столику на детской площадке — песок, да еще и мокро, а Майе нетрудно.

— Вот, держите. Я так рада, что сразу нашла, чья вещь — ведь я находки всегда на столике оставляю, а зажигалка, наверное, дорогая, мало ли что...

— Спасибо вам большое. Эта вещь мне дорога как память — когда-то отец подарил.

Приветливо кивнув Майе, Элеонора Петровна садится в машину и заводит двигатель. Синяя «Мазда», мигнув огнями, выезжает со двора, Майя собирает шланг и прячет в специальный шкафчик, который запирает на ключ. У нее есть ключи от всех подъездов этих двух домов, и от чердаков, и от подвалов — так же, как от калитки и ворот в этом дворе.

— Доброе утро, Денис Альбертович.

Малышев, молодой и очень красивый мужчина, заметно торопится. Майя знает его жену — это та самая Мила, что устроила ей подработку.

— Доброе.

— Денис Альбертович, я тут ключи нашла...

— Ключи!

Малышев затормозил бег и наконец взглянул на Майю. Его невероятно синие глаза обрамлены длинными густыми ресницами.

— Связка?! Пять ключей и серебряный брелок на цепочке?

— Вот. — Майя протягивает ему ключи.

— Где вы их нашли?

— Под скамейкой около подъезда, подметала, а они там... Николай Николаевич сказал, что это, возможно, ваши, вот я и решила подождать...

— Спасибо. Как вас...

— Майя.

— Да, Майя, простите, никак не запомню, конечно же, Мила говорила... Вы меня просто спасли. Вы даже не представляете, что сделали. Видимо, ключи выпали из кармана, когда я вчера доставал сотовый, дурацкая привычка, знаете ли, все таскать в карманах... я вечером обнаружил пропажу, все перерыл, а они здесь! Вы меня спасли!

— Ничего такого. Нашла связку да подождала, чтоб отдать. Тоже мне подвиг...

— Погодите. — Малышев замешкался, шаря по карманам. — Вот... деньги, возьмите. Я очень признателен.

— Спасибо, не надо. — Майя подняла совок и уложила его на дно тележки. — Нашла — отдала, платить не за что. Удачного дня, Денис Альбертович.

Майя тащит тележку со двора, едва сдерживая слезы. Она и сама не знает, отчего ей хочется плакать — от обиды, хотя ничем ее не обидел этот красивый холеный мужчина, или просто от нахлынувшей вдруг жалости к себе...

— Я не встречал в природе жалости к себе,

Любая птица, коли с древа упадет, закоченев от стужи, —
Не испытает жалости к себе.

Майя очень любит фильм «Солдат Джейн». Ей все равно, что его раскритиковали какие-то пресыщенные критики — этот фильм для нее как руководство к действию и утешение. Множество раз она смотрела его, и строки из Лоуренса, произнесенные шефом Аргайлем,